

наше завтра

ИЗДАТЕЛЬСТВО

магазин ДЕНЬ

N Z A V T R A . R U

ДЕНЬ-МАГАЗИН.РФ

+7 [499] 490-70-48

+7 [499] 350-17-79

НА ПРАВАХ РЕКЛАМЫ

16+

ЭТО РОМАН о судьбах советской и российской интеллигентской элиты в период между Великой Отечественной и СВО. Тема совсем новая и требует краткого пояснения.

В России интеллигентская элита общества была и остаётся крайне неоднородной. Есть русская элита — в это понятие я вкладываю не национальный смысл, а предназначение жить святым беспокойством о благоденствии России. К этой части интеллигентской элиты отношу моего дорогого друга незабвенного Савву Ямщикова, Распутина, Бондарева и многих других — ясно, о ком речь. В советские годы, как и сейчас, эта элита не была привлечена к решению судьбоносных проблем страны. Её роль заключалась в сбережении духовных традиций многонациональной России, в сохранении её исторических начал, что сегодня и позволило официально провозгласить: "Россия — самобытное государство-цивилизация".

Также была и есть другая часть интеллигентской элиты, которую вернее всего назвать прозападной, которая сыграла колоссальную роль в событиях, определивших исторический путь страны в XX веке и в начале XXI века. Роман "От войны до войны" — об этой части интеллигентской элиты.

Я давно подбирался к этой теме, ещё в романе "Немой набат" вернувшись из забвения "Чего же ты хочешь?" Всеволода Кочетова, который пророчески писал об идеологической эрозии общества. Но когда пошел в суть той эпохи глужбе, открылось, что интеллигентская прослойка, ознаненная Кочетовым, не ограничилась замыслами идеологической диверсии, а на деле нанесла сокрушительный удар по экономической политике. Удар, опрокинувший страну в застой. И более того: катастрофа СССР ничуть не изменила "основанную на правилах" роль публичного государства, корневой системой которого после Сталина стала прозападная элитарная интеллигенция. В 90-е история повторилась: та же прослойка (подчас поименно) не позволила обустроить в России цивилизованный рынок, снова сокрушив экономику, — вопреки настоятельным советам и предостережениям лауреата Нобелевской премии по экономике русского американца Василия Леонтьева, которого в США окрестили "апостолом планирования". И сохранение этих "правил" чревато новыми бедами...

ФИЛОСОФСКИХ КРУГАХ "людьми 47-го года" называли первое послевоенное поколение студентов филфака МГУ. В силу возраста это поколение не воевало и со страстью воспользовалось плодами долгожданной мирной жизни. Как раз в тот год, неизвестно какими путями божьи-ми, вышла в свет книга Г.Ф. Александрова "История западноевропейской философии". Именно после знаменитой дискуссии по этой книге Сталин и объявил о пресловутой борьбе с космополитизмом и низкоколонизмом перед Западом. Но для тогдашних первокурсников филфака монография Александра стала библией, с неё началась их бурная и опасная студенческая жизнь, полная неустанными "разговорчиками на строю", а вернее, жизнь на краю пропасти — за три года было четыре ареста. Между тем на фоне этих "разговорчиков", отражавших настроения будущих философов, из факультетских коридоров убарли бюсты Платона, Канта, Гегеля, что сигнализировало об отречении от классической философии.

Остроумный, яркий Грушин окрестил своё поколение философов "диалектическими станковистами". После 1956 года, когда стало дозволенным подшучивать над издержками прошлого, отвечая на недоуменные вопросы по поводу странного самоназвания, Грушин смеялся: — Вы что, "Золотой телёнок" не читали? Помните, художники-артелишки, назвавшие себя станковистами, рисовали не маслом, а гайками, фасолью и горохом? С точки зрения сталинской философии мы тоже были станковистами.

Как и следовало ожидать, все студенты "47-го года" сразу после защиты дипломов бросились готовить диссертацию. Но не тут-то было. Последним, в 1954-м, чудом проскочил Александр Зиновьев, который был старше, воевал. А Грушина провалили без дискуссии, выдав волчий билет, ни в один из академических институтов его не брали. Как жить, как кормить семью?

По его шутивым словам, с точки зрения грузинка, он, могучий дистрофик, нигде не годился — ростом невелик, шуплый. Но подвернулся случай и, опять же, по "Золотому телёнку", ему пришлось "переквалифицироваться в управдомы", временно стать журналистом: возглавить отдел пропаганды в "Комсомолец", где в литгруппе отдела писем работала жена-красавица Наталья Карцева. И на первом в стране начал через газету проводить опросы общественного мнения.

Но к "людям 47-го года" относили не только сороскирку Грушина, а также тех, кто поступил в МГУ чуть позже. Все они независимо от возраста составляли один круг "станковистов", создав под крышей филфака особую среду, рождавшую яркие имена. И весьма острая загадка истории заключается в том, каким образом "люди 47-го года" впоследствии, через много лет после студенческой скамьи, вновь собирались вместе — в редакции журнала "Проблемы мира и социализма". Как это произошло? Случайно? По воле Божьей? Или же вепа их чья-то закусилная рука, наподобие чертовщины Воланда, чётко осознавшая свой замысел?

Загадка очень острая, потому что именно пассионариям "47-го года", которые в период Оттепели по примеру предков столетней давности нарекли себя "шестидесятиниками", спустя сорок лет сужде-

АГЕНТЫ ПЕРЕЕСТРОЙКИ

Фрагменты из книги

но было стать "прорывным поколением" и сыграть особую роль в истории, пустив ко дну КПСС. А ведь сотрудники пражского журнала "Проблемы мира и социализма" подбирал международный отдел ЦК КПСС, более того, многие из них после "Проблем" работали в ЦК, да на солидных должностях. И куратором, более того, покровителем, журнала был Анатолий Черняев, впоследствии главный помощник Горбачёва, который, кстати, учился в МГУ в тот же послевоенный период и через сорок лет оказался среди тех, кто предназначил партию к сносу.

Для случайности здесь перепелось слишком много обстоятельств и судеб. В буквальном смысле загадка XX века.

Разумеется, никто из "станковистов" этой загадкой не маялся, у них были свои судьбы. Но на разных этапах советской истории их чудодейственно спланивало нечто то ли высшее, то ли случайное, а возможно, и рукотворное. Сначала, ещё в пятидесятые, прославилась знаменитая "Четвёрка", под этим названием и вошедшая в историю: Грушин, Зиновьев, Мамардашвили и Щедровицкий, — имена в философском сообществе легендарные. Каждый шёл по жизни со своим девизом. Грушин, работавший над теорией массового сознания, с первых философских лет утверждал, что западная демократия — это защита прав человека, и советская демократия должна обеспечивать соблюдение интересов меньшинства. Мамардашвили говорил: "Мы не воюем на чужих войнах, мы ведем свою". Зиновьев создал знаменитый логический кружок, который под началом Щедровицкого превратился в методологический и в 1989 году подспудно, без публичного провозглашения цели, готовил распад СССР.

В СЕРЕДИНЕ СЕМИДЕСЯТЫХ первое послевоенное философское поколение возглавляло когорту своих учеников (а также смежников из других гуманитарных дисциплин), достигло зрелости и определилось с мировоззренческой позицией в несвободной стране — таким в среде "людей 47-го года" считался Советский Союз. Они отнюдь не были диссидентами и в большинстве своём не разделяли радикальных взглядов профессиональных "борцов с рыжизмом". Они даже "вопрекистам" не были, и уж тем более фрондой. Но они были убежденными филантропами. У них было своё понятное поле, свой карнавал смыслов, свои умозрительные парадоксы достинств. Они увлечённо занимались любимым делом, получив негласное разрешение на обустройство в обособленном духовном анклав прогрессивной мысли, а возможно, и на плацдарме, предназначенном для высадки основных сил. В "Проблемах" у них был спецдопуск для чтения западной философской литературы. Взлепянные на монографии Александрова, они широко использовали возможность беспрепятственно общаться в Праге с западными сверстниками, которые посвятили их в суть западных философских споров. В прошлом записные марксисты, как на подбор члены КПСС, Маркса они теперь цитировали выборочно, предпочитая: "Мятёжный дух погряз в дерьме субстанций". У них были широкие знакомства в западных интеллигентских кругах, в частности, Мамардашвили лично знал Сартра и Маркузе, поддерживал связи с еврокоммунистами. Некоторые из них по заданию ЦК КПСС были в Сорбонне 1968 года, где заразились главным девизом студенческих волнений: "Требуите невозможного!" И, вернувшись в Москву, как нечто забавное, рассказывали, что бурные протестанты раскопали уникальные музейный экспонат — куб знаменитого русского докучаевского чернозёма со стороны в два метра. Они с энтузиазмом восприняли Хельсинский акт, прекрасно понимая, что почём, угадывая, что он раскрывает перед ними безграничные возможности для общения с зарубежными коллегами. После пражских штудий они считали, что русская философия невозможна вне западной философии. Они некритично относились к Западу и восторженно оценили теорию конвергенции академика Сахарова.

У них были грандиозные амбиции и своя шкала ценностей. Они были преисполнены верой в своё блестящее, общеевропейское будущее. Они всем сердцем восприняли концепцию Грамши о "культурном ядре", о культурной гегемонии малых групп, а вместе с ней впитали в себя и западный культурный код. Они рассчитывали на феерический научный взлёт и жаждали купаться в общественных овациях, их многочисленные статьи в прессе походили на эпистолы, становясь своего рода посланиями обществу. Разумеется, все они были гениями разговорного жанра и чемпионами словесных состязаний. Они считали себя лицом поколения и претендовали на то, чтобы стать интеллигентской элитой страны.

Это была мощная, сплочённая единомыслием, идейными восторгами, взаимными интересами и личными знакомствами группа пассионариев. В этой группе каждый успешно впахивал свой научный на-

дел, но вместе, сообщая, они тяготились бездельем, пребывая в уверенности, что в обозримом завтра и при определённых обстоятельствах будут предначлены для великих дел и исполнят сословный долг передовой интеллигенции.

Эта группа единомышленников не могла оставаться "бесхозной".

И её оприходовали. Вскоре она пришлась и ко дню, и ко двору: пассионариям прозападной выделки выдали мандаты боевиков перестройки, которым предстояло, покончив с коммунизмом, наставить историческую Россию на "путь истинный", приведя её в "райские кущи" западной цивилизации.

"В 1966 году в СССР темп роста национального дохода был близок к японскому и вдвое превысил американский"; "с одобрения Косыгина Госплан приступил к разработке автоматизированной системы плановых расчётов (АСПР). С помощью главного вычислительного центра Госплана"; "ЦЭМИ, экономико-математический институт, не участвовал. Там продвигали СОФЭ (Систему эффективного функционирования экономики) на иных методах расчётов. Отделение экономики АН СССР (академик-секретарь Федоренко плюс Арбатов) активно за СОФЭ".

Изначально речь шла о Системе оптимального функционирования социалистической экономики (СОФЭС). Но когда идею подхватили директор ЦЭМИ академик Федоренко, а особенно его зам Штаталин, когда по Москве прокатилась волна семинаров, на которых пропагандировали СОФЭС, эту экономическую модель активно поддержал Арбатов, первый директор новосозданного Института США и Канады. Там и предлагали — разумеется, исключительно в целях бланзовучия! — избавиться от "социалистической" буквы, закрепить за идеей название СОФЭ.

Когда к делу подключились Арбатов, возглавлявший группу консультантов ЦК КПСС и имевший доступ к Брежневу, научная сторона вопроса отошла на задний план. Брежнев, "придерживая Косыгина", негласно поддержал СОФЭ, и её остро противопоставили косыгинской реформе, Совмину пришлось "врукопашную" схватиться с ЦК...

КОЛЛЕГИЯ ГОСПЛАНА стала генеральным сражением между косыгинской реформой и СОФЭС, сражением, которое не вошло в официальную историю СССР, хотя на нём подспудно решалась... да, да, всего-навсего судьба СССР. Замирпред Госплана Лебединский в тот раз промолгосластно заявил: "Появилась концепция, которая не может быть использована в практике нашего планирования, это СОФЭ. СОФЭ и АСПР — понятия несовместные, они базируются на разных научных принципах и практически исключают друг друга".

И хотя на знаменитой коллегии Госплана верх безусловно взяли реформаторы, а СОФЭ признали неприемлемой химерой, она своё грязное дело сделала: обескровила, парализовала реформу, и в основу "генеральной линии" легла заезженная догма о неизбежной победе социализма, швырнувшая СССР в губительный застой. Сразу после этой диверсии софисты, выступив десятилетний отчёт, закрыли тему. СОФЭ ушла из сферы общественного внимания по-английски, не прощаясь. Немало её адептов тут же эмигрировали в США, а те, кто остался, постарались напрочь забыть аббревиатуру СОФЭ, словно её и не было...

Противоположная, президиумная, сторона уже была в полном составе. В центре Рыжков и Бейкер, затем Бессмертных, предпоследний министр иностранных дел СССР академик Абалкин, ещё трое незнакомых людей, а рядом с американцем — некто без кувертной карточки, оказалось, переводчик. Как положено, Николай Иванович напомнил о роли Джеймса Бейкера в новой истории, в том числе на финальном этапе немецкого объединения, не нажимая, впрочем, на его знаменитые "двоймы", и предложил формат как бы пресс-конференции по текущим событиям: вопросы-ответы. Понятно, никто не ждал сенсаций, "по уликам слона водили", только и всего. Где ещё оппозиционная российская элита могла поглядеть на бывшего вершителя советских судеб, который решил лихо подзаработать на адвокатских услугах в поверженной Москве?..

ЖАРА СЛУЧИЛАСЬ СРАЗУ, на первом же вопросе, в котором рефреном проскочила мысль о том, что развал СССР — это глобальное поражение исторической России в холодной войне... Про поражение было упомянуто мимоходом, как говорится, для порядка. Известно, что без этого горестного припева теперь никакую песню не сложишь.

Но также известно: на дурацкий вопрос порой идёт сумасшедший ответ. Бейкер вцепился именно в припев, сказал чётко, как отрезал: — А мы не считаем распад Советского Союза вашим поражением. Наоборот, мы убеждены, что от распада СССР проиграла Америка.

Салуцкий Анатолий. От войны до войны. Элита: измена в тылу. — М.: Наше Завтра, 2023. — 400 с.

Новый роман Анатолия Салуцкого состоит из нескольких тесно переплетённых между собой сюжетных линий и по фабуле охватывает период времени от смерти Л.И. Брежнева до 2002 года, с экскурсами в прошлое и последующее, включая уже наши дни, время. В центре повествования — образ фронтовика, Героя Советского Союза Кондрата Егоровича Кедрова, сразу после войны ставшего ответственным работником общего отдела ЦК КПСС ("уси-дел в престижном кресле от Сталина до Горбачёва", "аппаратный зубр"), а также образы его родных и близких, их "круг общения", включая как вымышленных, так и вполне реальных (даже поныне здравствующих) лиц, что придаёт тексту особый, отчасти фронтёрский, колорит.

Но в фокусе внимания автора находятся вовсе не семейно-бытовые отношения позднесоветского и постсоветского "высшего общества" сами по себе, хотя они достаточно объёмно и подробно, с множеством важных и "вкусных" деталей, выписаны. Анатолий Салуцкий сосредотачивает свой взгляд на "жизни идей" — идей, которые опосредуют и направляют не только эти отношения, но судьбу целых стран и народов. Главным герой, чья номенклатурная жизнь к началу перестройки вобрала в себя "максимум доступных честному, элитарному бюрократу административных и материальных удобств", столкнулся с разрушением и крахом советского проекта (причём в этом крахе активное участие принял его собственный сын) и пытается понять причины этого краха, найти ответ на вопрос, почему поколение героев-фронтовиков, которому Сталин доверил управление страной и которое уже через десять лет после страшной военной разрухи подняло её к звёздам, в итоге, к концу 1980-х, "просвисало" великую державу. Уже совместными: и "отцов", и "детей" — усилиями,

вроде бы разнонаправленными, но результирующими в строго определённую "лузу".

Разгадки для этой тайны главный герой романа не находит, не называет её и сам автор, лишь отмечая наличие некоторых "подводных течений" истории: например, формирование в послевоенной Москве "людей 1947 года", к перестройке ставших "интеллектуальной элитой" Советского Союза, или историю "экономических" споров вокруг "косыгинской" реформы 1965 года, корни которой идут от плана ГОЭЛРО, принципов "сталинской" индустриализации 1930-х годов и послевоенного восстановления СССР. В итоге эти преобразования, основанные на долгосрочном межотраслевом планировании и выраженные в теории Василия Леонтьева, были остановлены, "советский состав отправлен в тупик", а идеи оппонентов Косыгина переплелились в "шоковую терапию" лихих 90-х по рецептам либерал-монетаристской "чикагской школы" Милтона Фридмана.

Иными словами, новый роман Анатолия Салуцкого явно выходит за рамки классической "семейной хроники" ("Сага о Форсайтах", "Бuddenброки"), и его жанр можно определить как родовой идеологический эпос. Первая часть такого определения объясняется тем, что в каждый род (опять же, если смотреть и в его прошлое, и в его будущее) вплетается множество разных кровно связанных между собой семейных гнёзд, а вторая — тем, что идеи выступают как полноправные действующие лица данного произведения, чуть ли не на равных с образами героев.

В этой связи не случайно отдельное и особое внимание автор уделяет образам женщин, которые в его романе — настоящие берегини семьи, рода и народа, и не случайно одной из своих героинь он предоставляет завершающее слово, в котором раскрывается ключевая идея романа: "Как бы сейчас ни было тяжело, как бы ни грозили России судьбой СССР, верю, что русские мальчишки оправдают опасения Буша, выставят Америке исторический счёт".

неизвестно, что поставки этих окорочков президент Буш оплачивал из личных средств, на них не было потрачено ни цента из федеральной казны. Об этом президент тоже сказал в знаменитом интервью "Нью-Йорк таймс". Он старался избежать распада СССР. Главный вывод интервью заключался в том, что президент Джордж Буш — старший опасался распада Советского Союза.

Снова неразборчивый шум, снова Николаю Ивановичу пришлось успокаивать разбушевавшийся народ, уговаривая раёк унять эмоции. Наконец, утомился, и он сказал Бейкеру:

— Джеймс, вы слышите, как бурно реагируют на ваши слова. Многим непонятно, какие опасения от развала СССР могли возникнуть у президента США. В этом зале собрались люди мыслящие, мы убеждены, что сейчас в России чужие во власти, и они ведут дело к окончательному упадку страны. Давайте не играть в прятки: это выгодно Америке.

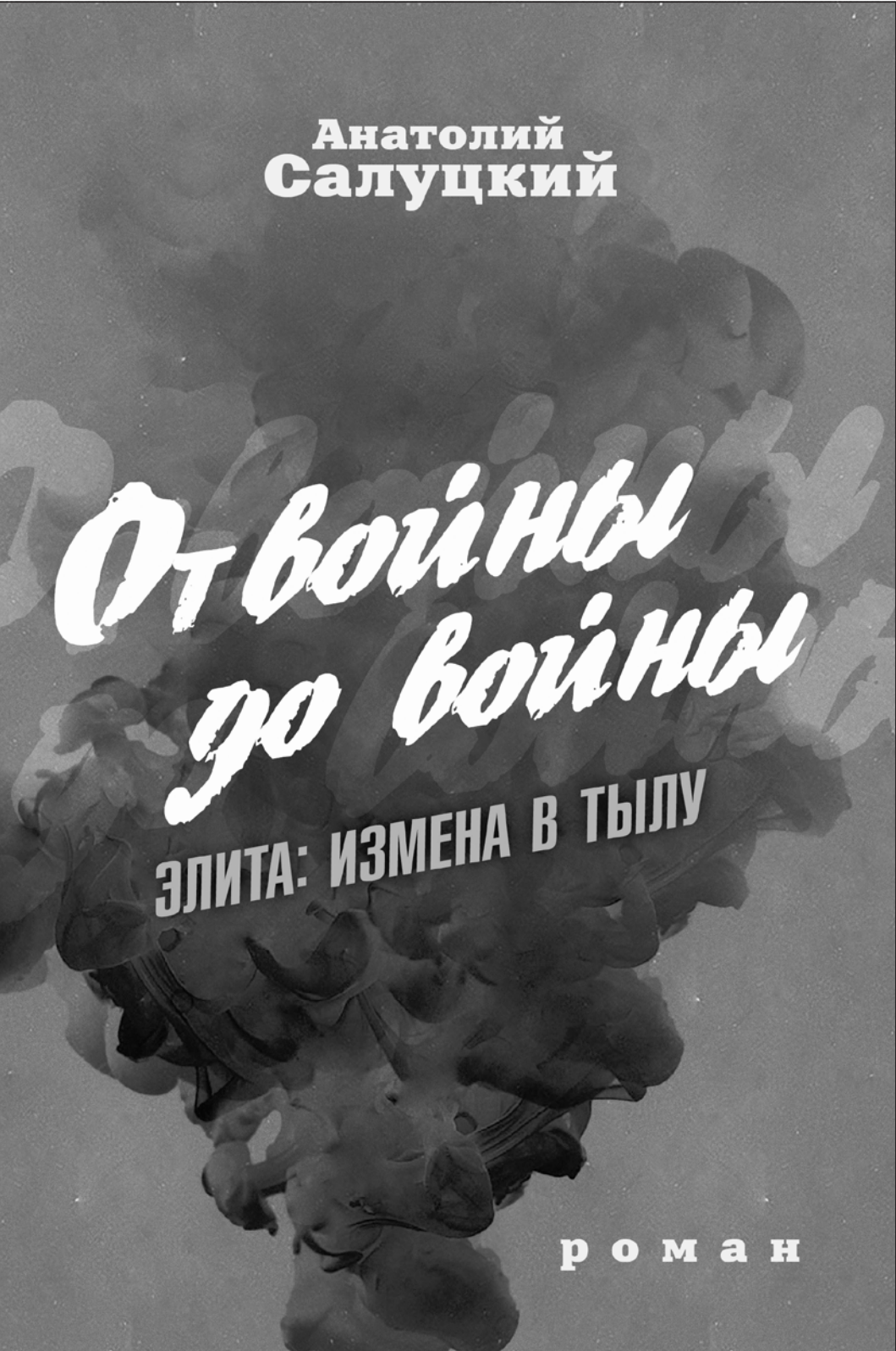
Бейкер ответил сразу, не задумываясь. Чувствовалось, для него эта тема не новая, не требующая размышлений:

— Понимаете ли, Николай, в интервью президента Буша, на которое я ссылался, он в русской традиции уподобил Советский Союз матрёшке, и внутри этой матрёшки — Россия. Не забудьте, в своё время Джордж Буш — старший был директором ЦРУ и хорошо изучил особенности нашего главного стратегического противника. Президент считал, что для Америки будет лучше, если Россия останется как бы спрятанной внутри СССР, тратящей свои ресурсы на поддержку союзного статуса. — Наморщил лоб, сделал паузу, видимо, прикидывая, как завершить ответ. Потом сказал веско:

— Время покажет, прав ли был президент Буш, но он мыслит историческими категориями, а чутё историческое у него очень тонкое. И в том интервью он высказался предельно ясно. Проти-тирую дословно, потому что в этой фразе, если вдуматься, каждое слово имеет свой смысл, своё особое значение. А поскольку интервью было не эфирное, а для газеты, президент Буш при необходимости мог внести правку. Может быть, он её и внёс, это мне не известно, я всего лишь цитирую. Он сказал: "После распада СССР Россия усилилась. Рано или поздно Россия пришлёт нам отдельный счёт".

"На переломе семидесятых тесная когор-та каких-то деятелей сорвала экономический рынок страны и благорастворилась в возду-сях... И на переломе девяностых случилось то же самое: тесная когорта прорабов развалила страну и тоже благорастворилась в воздуш-ях... Дважды появляется на политической сцене тес-ная группа людей, которой удаётся помешать развитию страны. И дважды эти люди, сделав своё чёрное дело, сразу куда-то исчезают..."

Анатолий Салуцкий

ДЕНЬ-ЦЕНТР приглашает

6 сентября (среда) в День-центре состоится встреча с доктором технических наук, автором более 15 изобретений в области лазерной техники, профессором **Александром ПОПОВЫМ** и кандидатом технических наук **Романом ГОЛУНОВЫМ**.

Тема встречи: Чем была лунная гонка для США и СССР? Часть вторая

Что не так с американской космической программой — разбираем детально. Есть ли связь между проектами американских шаттлов и лунной программой? И при чём здесь корабль "Союз"? Какие

геополитическое значение имела "лунная гонка", и почему это так важно понимать нынешнему поколению россиян?

Начало в 19:00, просьба приходить несколько заранее.

8 сентября (пятница) в День-центре состоится встреча с ведущим российским военным аналитиком и экспертом **Константином СИВКОВЫМ**.
Цикл встреч: Актуальные события
Военный аналитик ответит на вопросы зрителей.
Начало в 16:00, просьба приходить несколько заранее.

8 сентября (пятница) в День-центре мы продолжим цикл встреч с ведущим военным экспертом **Александром АРТАМОНОВЫМ**.
Тема встречи: Политическая обстановка в мире

Эксперт представит свой взгляд на современную политическую ситуацию, будущее России и мирового сообщества.

Начало в 19:00, просьба приходить несколько заранее.

Адрес: г. Москва, ул. Коровий Вал, 1А, стр. 1, ТЦ "Добрынинский", 3-й этаж (одна минута пешком от станции метро "Добрынинская").

Регистрация на встречи — на сайте ДЕНЬ-МАГАЗИН.РФ или по телефону: 8-499-350-17-79. Зарегистрироваться также можно перед началом встречи непосредственно в зале День-центра. Количество мест ограничено.

Наличие распечатанного билета необязательно для посещения мероприятия.

Уважаемые участники! На мероприятиях можно приобрести книги авторов.

Если вы хотели бы гарантированно приобрести книги из нашего ассортимента, просим вас заранее оформить заказ на сайте ДЕНЬ-МАГАЗИН.РФ. Мы с радостью доставим ваш заказ на встречу.

Внимание! Видеосъёмка на мероприятиях запрещена.